

Николай Добролюбов

Благонамеренность и деятельность

Николай Добролюбов

**Благонамеренность
и деятельность**

«Public Domain»

1860

Добролюбов Н. А.

Благонамеренность и деятельность / Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1860

«...Повести г. Плещеева не выходят из уровня, который установился вообще для произведений той школы беллетристов, которую, пожалуй, по главному ее представителю, мы можем назвать тургеневскою. Постоянный мотив ее тот, что «среда заедает человека». Мотив хороший и очень сильный; но им до сих пор не умели еще у нас хорошо воспользоваться. Человек, «заеденный средою», изображался иногда в повестях тургеневской школы довольно живо; но самая «среда» и ее отношение к человеку рисовались бледно и слабо...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. Комментарии	7
--	---

Николай Александрович Добролюбов

Благонамеренность и деятельность

(Повести и рассказы А. Плещеева. Москва. 1860. Две части.)

Повести г. Плещеева печатались во всех наших лучших журналах и были прочитываемы в свое время. Потом о них забывали. Толков и споров повести его никогда не возбуждали ни в публике, ни в литературной критике: никто их не хвалил особенно, но и не бранил никто. Большею частью повесть прочитывали и оставались довольны; тем дело и кончалось...

Указанный нами весьма достоверный факт говорит, конечно, не в пользу особенной оригинальности и яркости таланта автора, да и сам он, очевидно, не претендует на эти качества. Следовательно, и мы можем уволить себя от скучнейших эстетических рассуждений о достоинствах и недостатках собственно литературного таланта г. Плещеева. Мы это делали не раз и при обозрении литературной деятельности других писателей; но за иных на нас вскидывались приверженцы «вечных» красот искусства, полагающие, что о произведениях, например, гг. Тургенева или Майкова нельзя рассуждать иначе как прикидывая к ним шекспировскую и дантовскую мерку. За г. Плещеева никто, кажется, не подыметя на нас: всякий понимает, что смешно, говоря об обыкновенных журнальных рассказах, становиться на ходули и, спотыкаясь на каждом слове, важно возвещать автору и читателям сбивчивые принципы доморощенной эстетики. Мы полагаем, что этот беззубый прием неприличен также и при разборе повести г-жи Кохановской, «Первой любви» Тургенева, «Тысячи душ» г. Писемского и т. п. Но есть господа, слишком уже погрузившиеся в патристическую эстетику и полагающие, что произведениям наших лучших талантов можно приписывать великое значение с той же самой точки зрения, с какой поставляются на удивление векам творения Гомера и Шекспира. При всем уважении к нашим первостепенным талантам мы не считаем удобным рассматривать их с такой точки, и потому, при разборе русских повестей, стихотворений и пр., мы всегда старались указывать не на «вечное и абсолютное», навеки нерушимое художество их, а на тот прямой смысл, который имеют они для нас, для нашего общества и времени. Сочинить брошюрку о том, что эпос Гомера воскрес в усовершенствованном виде в «Мертвых душах»^[1], провозгласить Лермонтова Байроном^[2], поставить Островского выше Шекспира^[3] – это все не новость в русской литературе. Да еще и не то бывало: теперь, вероятно, уже никто не помнит, кто у нас писал исторические романы лучше Вальтера Скотта^[4], кто у нас приравнивался к Гете, чьи чухончики гречанок Байрона милей^[5], кто в России воскресил Корнеля гений величавый^[6], кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы^[7] и пр., и пр. А все это было провозглашаемо в русской литературе и даже возбуждало споры и толки. Теперь по возможности стараются удерживаться от такой смешной игры в имена, но сущность современных эстетических рассуждений о «вечных, общечеловеческих, мировых» достоинствах наших писателей постоянно напоминает нам наивность старинных восклицаний о российских Гомерах и наших родных Байронах...

Так как о великом мировом значении таланта г. Плещеева никто не думает, то мы, значит, можем быть спокойны, отстраняя от себя эстетический суд над ним и обращаясь к вопросу, который нас интересует гораздо более, именно – к характеру содержания его произведений. Г. Плещеев написал довольно много: перед нами лежат два томика, в них восемь повестей; да тут еще нет «Папироски» и «Дружеских советов», напечатанных им в 1848 и 1849 гг.^[8], да нет «Пашинцева» («Русский вестник», 1859 г., № 21–23), «Двух карьер» («Современник», 1859 г., № 12) и «Призвания» («Светоч», 1860 г., № 1–2), – трех больших повестей, напечатанных им уже после издания его книжек. Из них тоже могло бы составить почти таких же два томика. Все это было прочитано без неудовольствия, некоторое время занимало собою известную часть русской публики, наравне с произведениями других беллетристов, не заслуживших

подозрения в гениальности. Что же, сказалось ли что-нибудь в этой массе печатной бумаги, имеет ли этот десяток больших и малых повестей какое-нибудь отношение к тому, что занимает теперь наше общественное внимание? Или это повести просто для упражнения в процессе чтения, вроде произведений гг. Каменского, Воскресенского, Вонлярлярского и некоторых новейших, имена которых могут быть небезызвестны отчасти и читателям «Современника»?.. – Нам приятно на этот вопрос отвечать, что рассказы г. Плещеева никак не могут быть отнесены к последнему разряду. Элемент общественный проникает их постоянно и этим отличает от множества бесцветных рассказов тридцатых и пятидесятих годов. Тогдашние рассказы, как известно, отличались тем, что в них человек представлялся существом не общественным, а изолированным. Нужно было автору два-три-четыре лица для развития сюжета, – так эти два-три-четыре лица являлись в повести, без всякого отношения к остальному миру, как будто бы они жили на необитаемом острове, где все нужное являлось для них по шучьему велению. Для развязки же обыкновенно приводился, неизвестно откуда, какой-нибудь таинственный *deus ex machina*¹, вроде богатого дядюшки, сердитого начальника, пожара, наводнения, благотельного вельможи и т. п. Это было, впрочем, более в тридцатых годах; в пятидесятих же обыкновенно герои, заброшенные на необитаемый остров, сами начинали чувствовать разочарование и уезжали с острова, оставляя героинь плакать и сокрушаться: тем дело и кончалось... Все эти проделки мало коснулись г. Плещеева, так как начало его литературной деятельности относится к сороковым годам, – когда была в ходу литература Горемык, Бедных людей, Петербургских вершин и углов^[9]

¹ Буквально: бог из машины (*лат.*). – *Ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Добролюбов имеет в виду брошюру К. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души», М. 1842.

2.

См., напр., статью Ап. Григорьева «О правде и искренности в искусстве» («Русская беседа», 1856, кн. III).

3.

Имеется в виду статья Б. Н. Алмазова «Сон по случаю одной комедии» («Москвитянин», 1851).

4.

Подразумеваются исторические романы М. Н. Загоскина.

5.

Перефразировка строк из стихотворения А. С. Пушкина «К Баратынскому» (1825).

6.

...воскресил Корнеля гений величавый... – слова Пушкина о Катенине («Евгений Онегин», гл. 1, строфа XVII).

7.

...кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы... – строка из стихотворения Пушкина «К Дельвигу» (1825).

8.

«Папироска» была напечатана в 1848 г. в «Современнике», «Дружеские советы» – в «Отечественных записках» за 1849 г.

9.

Имеется в виду повесть Д. В. Григоровича «Антон Горемыка» (1847), роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1846), «Петербургские вершины» Я. Буткова (1846), «Петербургские углы» Н. А. Некрасова (1845).